

Чу Инь вовсе не был без денег, просто стоило ему потратить хоть чуточку, как об этом тут же узнала бы семья... Раз уж они договорились, что он вернется на родину и добьется успеха сам, то, пока не настанут совсем уж тяжелые времена, он ни за что не хотел тратить родительские деньги.

Оставалось только расспросить Се Юйчао, который числился с ним в одной компании и у того же менеджера, как подать заявку на общежитие для сотрудников.

Чу Инь сам позвонил Се Юйчао. Тот как раз качался в спортзале, а услышав звонок, весь покрытый вонючим потом, примчался к дому Гу Тинъяня, чтобы помочь Чу Иню с переездом.

В общем-то, перевозить было особо нечего, да и то пианино Се Юйчао всё равно бы не сдвинул, но Чу Инь всё же разрешил ему приехать.

Прикинув, что Се Юйчао заявится как раз ближе к полудню, а сам Чу Инь не любил работать на голодный желудок, он решил сначала приготовить обед, а уже потом отпускать гостя.

В десять утра Гу Тинъянь еще не протрезвел после вчерашней пьянки, а вот Нин Цзюй спустился вниз первым.

Чу Инь бросил взгляд на комнату, из которой тот вышел: без всяких сомнений, это была главная спальня, в которой спал Гу Тинъянь.

Выспавшись, Нин Цзюй подчистую забыл вчерашнее недоразумение, и теперь, снова увидев Чу Иня, смог встретить его с улыбкой на лице:

— Малыш Инь, ты собрался готовить?

В бытность группы Fut Чу Инь был самым младшим, поэтому Нин Цзюй привык так его называть.

Он прожил у Гу Тинъяня почти полмесяца, неужели Гу Тинъянь до сих пор мог задавать столь глупые вопросы? Если не готовить, разве он не умер бы с голоду раньше времени?

Но на самом деле в последнее время Гу Тинъянь и сам здесь не ел: в больнице его кормили специальной лечебной едой, и он действительно понятия не имел, что Чу Инь умеет готовить... Теперь же он испытывал лишь любопытство, ведь раньше он слышал от Нин Цзюй, будто Чу Инь — изнеженный донельзя молодой господин, а все остальные, приходя в стажеры, питаются из общего котла, сами застилают постели и стирают свои вещи.

Теперь же Гу Тинъянь вдруг отчетливо осознал, что узнавал и понимал этого человека со слов других, а не на основе собственного опыта.

В этот момент Чу Инь и впрямь немного разозлился и швырнул грибы в раковину для просушки:

— Хочешь готовить — готовь сам.

— Плевать я хотел на то, что тебе нравится, — Чу Инь отобрал корзинку с грибами назад, и брызги воды из нее полетели Нин Цзюй прямо в лицо, заставив того преувеличенно громко вскрикнуть.

Называется ассистент, а ведет себя как барский служка: любые поручения перекладывает на других, а сам даже пару палочек для еды вымыть не умеет.

Гу Тинъянь исстари презирал тех мажоров, у которых не было стремления к учебе и которые умели только сидеть на шее у родителей. Именно из-за этого он изначально относился к Чу Иню с предвзятостью, а после встречи с Нин Цзюй лишь еще больше убедился, что Чу Инь принадлежит к числу людей, которых он терпеть не может. И даже обладая тот ангельской внешностью, Гу Тинъянь всё равно считал этого человека крайне противным.

Чу Иню совсем не хотелось ничего говорить, но Нин Цзюй поспешил оправдаться:

— Ничего страшного, я просто хотел помочь малышу Иню с готовкой и случайно забрызгался водой.

С этими словами он попытался перехватить у Чу Иня грибы:

— Давай эти грибы пустим на жареную рыбу, а те ребрышки — на барбекю?

Гу Тинъянь на мгновение замер и машинально переспросил:

— Чу Инь еще и готовить умеет?

Чу Иню было непонятно: раз уж тот не особо его жаловал, почему он продолжал называть его так фамильярно?

Из вежливости Чу Инь все же кивнул, но поскольку он ничего не сказал, а выразил всё лишь движением, со стороны это могло показаться заносчивым и холодным.

Поэтому Чу Иню показалось, что Гу Тинъянь нарочно поддакивает Нин Цзюю, чтобы высмеять его.

И только у Чу Иня, который еще даже не дебютировал, уже появился собственный ассистент.

Характер у Чу Иня был действительно малопрятный, но ему было всё равно. Чужое одобрение его не волновало, а если никто не станет к нему лезть — так и вовсе прекрасно, он только рад побыть в тишине.

Увидев кивок Чу Иня, Нин Цзюй довольно жизнерадостно подошел ближе и выразил желание составить ему компанию:

— Малыш Инь, у тебя не очень хорошо с кулинарией, давай я лучше помогу?

От этого нелепого сочетания у Чу Иня каждый день сводило зубы:

— Грибы пойдут на тушеные ребрышки, а треску поджарим на сковородке и посыплем рубленым сельдереем.

Однако Нин Цзюй не умел понимать намеки, он был из тех людей, что вовсе не считаются с чужим настроением, поэтому Чу Инь ненавидел его, чувствуя, что этот человек родился специально, чтобы портить ему жизнь.

Гу Тинъянь и сам выходец из богатой семьи, но ему еще не доводилось встречать, чтобы детей вот так баловали и опекали. Напротив, эти любимцы судьбы обычно обязаны учиться куда усерднее остальных, иначе не сумеют удержать в будущем огромные семейные предприятия, и тогда их ждет позор куда больший, чем бесславная жизнь простых людей.

В сущности, это была сущая мелочь, но с подачи Нин Цзюй всё выглядело несколько странно. Человек, изначально предвзято настроенный против Чу Иня, услышав такое, наверняка додумал бы до целой мыльной оперы.

— Но я не люблю рубленый сельдерей, — Нин Цзюй изобразил жалкое выражение лица, ожидая уступок от Чу Иня.

— Вы что тут делаете? — раздался за спиной голос Гу Тинъяня.

Раньше он смотрел на Чу Иня чужими глазами.

Поняв это, Гу Тинъянь почувствовал одновременно укол совести и волнение... Волнение оттого, что, приняв совет Нин Цзюй присмотреть за Чу Инем, он все еще имел шанс по-настоящему узнать этого человека.

Однако Гу Тинъянь еще не понимал, что когда человек хочет узнать другого, это зачастую уже становится началом зарождающегося чувства.

В мыслях у него пронеслось многое, но на деле прошла всего секунда. Прежде чем он успел

воплотить хотя бы одно из своих представлений в жизнь, он увидел помрачневшего Чу Иня, который бросил напоследок:

У Гу Тинъяня после вчерашнего похмелья всё еще раскалывалась голова. Он так и замер на месте, еще не успев сообразить, из-за чего тот рассердился, как вдруг у входной двери зазвонил звонок в сопровождении громких криков:

— Братец Чу, я пришел! Открой дверь, братец Чу!

В самый заурядный день вилла Гу Тинъяня неожиданно ожила.

— Зачем тебе съезжать? — Гу Тинъянь потер лоб, совершенно ничего не понимая.

— Жить здесь неудобно.

— Что здесь неудобного? — продолжал допытываться Гу Тинъянь.

Чу Инь подумал про себя: это тебе неудобно, а вовсе не мне... Впрочем, он лишь мысленно усмехнулся: выносить чужие тайны на показ было не в его правилах.

Но Нин Цзюй не утруждал себя подобными размышлениями. Тут он как раз вспомнил вчерашнюю ссору с Чу Инем и вывалил сказанные тем слова прямо к месту:

— Чу Инь обижается, что вчера ты бросил его ради меня.

Надо признать, Нин Цзюй владел определенным искусством речи. На первый взгляд в его словах не было ничего крамольного, но для такого самовлюбленного, высокомерного и привыкшего властвовать человека, как Гу Тинъянь, это прозвучало так, будто его обвиняют в ошибке.

Людям свойственно надеяться, что они правы, а уж для тех, кто долгое время возвышался над остальными, признать свою неправоту — задача тяжелейшая.

Гу Тинъяню показалось, что он теряет лицо, а Чу Инь меж тем по-прежнему хранил безмятежное выражение на лице:

— Съехать? И куда это ты съедешь? У тебя деньги-то есть?

— Это не твоя забота, — Чу Иню тоже крайне не нравился этот его язвительный тон с подтекстом. — Се Юйчао, помоги мне донести чемодан, я угощу тебя обедом.

Пианино пока побудет у Гу Тинъяня — тащить такую тяжесть слишком дорого, а поскольку расходов сейчас прибавилось, лучше пока побережь средства.

Нин Цзюй продолжал уговаривать их со стороны:

— Малыш Инь, зачем из-за такой ерунды ссориться с братом Тинъянем? У тебя и вправду скверный характер, малыш Инь, тебе следовало бы пораньше повзрослеть и научиться входить в чужое положение...

Как же он надоед, опять за свое! Чу Инь искренне ненавидел таких людей, как Нин Цзюй.

При этом тот вроде бы не совершал никаких подлостей, а когда изредка творил какую-нибудь глупость, то и сам не имел с этого никакой выгоды, так что было очевидно — всё это не со зла.

В конце концов Чу Инь и Се Юйчао ушли, каждый катя по чемодану.

Гу Тинъянь был уверен, что идти Чу Иню некуда и долго он со своей гордостью не продержится — скоро вернется, а потому держал марку и больше ничего не сказал.

Устроившись на новом месте, Чу Инь выполнил обещание и пригласил Се Юйчао пообедать. Готовить самому времени уже не оставалось, поэтому они решили поесть в городе.

Стоило им выйти на улицу, как Чу Инь горько пожалел об этом: сам-то он был мало кому известен, и на улице на него могли лишний раз взглянуть разве что из любопытства, но Се Юйчао уже ходил в перспективных молодняках второй-третьей категории — тех самых свеженьких айдолах, у которых вроде бы и нет особых заслуг, но фэндом уже вовсю раскручен.

— Братец Чу, в обычную забегаловку мы, пожалуй, уже не пойдем, можно в ресторан повыше классом? — предложил Се Юйчао.

— Нельзя, — с каменным лицом ответил Чу Инь и оттолкнул Се Юйчао, строившего щенячьи глазки.

В итоге за обед расплатился Се Юйчао. Именно тогда он окончательно убедился, что его братец Чу и вправду на мели:

— За корпоративное общежитие тоже нужно платить. Раз уж братец Чу так беден, не лучше ли тебе пока пожить у меня? К тому же скоро съемки Алых девяти небес, нам все равно придется ехать на съемочную площадку вместе.

Чу Инь немного подумал: в словах Се Юйчао был определенный смысл.

К тому же он, похоже, уже умудрился насолить Гу Тинъяню, да и на вчерашнем банкете не разжился никакими полезными связями. Если и дальше так прозябать, то о возвращении в шоу-бизнес можно забыть — того гляди, скоро придется питаться одним воздухом.

— Ладно, поедem на съемочную площадку, — рассудил про себя Чу Инь. В сянсья-сериалах всегда полно сцен для каскадеров-дублеров, он сможет побольше участвовать в массовке и понемногу скопить денег. Как только у него заведется хоть какая-то наличность, он сможет съехать.

Менять менеджера Чу Инь пока не планировал: смена менеджера в Юньдяне дело крайне сложное, и если обе стороны не выражают согласия, начальство безжалостно завернет заявку.

В конце концов, Гу Тинъянь сам говорил, что будет вести его всего месяц, да и в системе Юньдяня в его контракте уже стоял срок перераспределения. Если посчитать, оставалось от силы недели две.

Еще через два дня Чу Иню и Се Юйчао предстояло отправиться на съемочную площадку Алых девяти небес.

Для Гу Тинъяня, чьими подопечными оставались всего два артиста, сегодняшний день был слишком важен, чтобы оставаться в стороне — тем более что он являлся еще и инвестором этого проекта.

Проведя с Нин Цзюем два дня, Гу Тинъянь почувствовал, что чаша весов в его сердце снова склонилась в сторону Нин Цзюй. В конце концов, это был человек, которого он любил столько лет, и он понимал, что у того есть мелкие недостатки... но считал их несущественными.

По сравнению с Чу Инем, с которым они были знакомы едва полмесяца, выбор приоритетов был для него очевиден.

Его прежнее желание серьезно поспособствовать карьере Чу Иня и подкинуть ему ресурсов поутихло, напротив, внутри затаилось упрямое стремление доказать Чу Иню, что устраивать с ним истерики — было самым неразумным решением.

Гу Тинъянь приехал забрать артистов. Когда Чу Инь устроился в машине, Гу Тинъянь бросил на него взгляд через зеркало заднего вида и глухим голосом произнес:

— Какая тебе польза идти против меня? Раз уж с таким трудом удалось вернуться, неужели ты хочешь всю жизнь проходить в дублерах или массовке?

Чу Инь не знал, что ответить. Он всегда понимал, что нельзя доводить дела до крайности — в этом нет никакого толка, но переступить через себя и произносить лицемерные речи он просто не умел.

Пока Чу Инь молчал, Се Юйчао от неожиданности даже поразился:

— Братец Тинъянь, как ты можешь говорить такое?

До Се Юйчао наконец запоздало дошло, почему Чу Инь вдруг решил съехать с виллы, которую для него подготовил Гу Тинъянь.

Он нахмурился:

— Вы что, поссорились?

<http://bllate.org/book/19757/1945664>